

ПСИХОЛОГИЯ И МИРОВОСПРИЯТИЕ ГЕРОЯ СОВРЕМЕННОСТИ В МАЛЫХ ЖАНРАХ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бегуганова Елена Нартшаовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН» (ИГИ КБНЦ РАН), betuganova.80@mail.ru

В статье анализируются основные типы образов, в которых реализована кабардино-черкесскими писателями концепция человека в жанре рассказа 90-х гг. Постсоветская проза открывает новый этап в творчестве авторов, характеризующихся интенсивностью работы мысли, направленной на поиск героя переходной эпохи «как выразителя нового времени». В творчестве ряда авторов (А. Кешоков, А. Камергоев, Б. Кагермазов, Б. Гаунов, Ж. Дауров, З. Канкулов, Р. Ацканов) отражен процесс реадaptации сознания человека к постсоветскому характеру отношений. Пристальное внимание к судьбе отдельного человека, а через него к судьбе общества в определенную эпоху открывает новые пути художественного познания человеческой жизни во всех ее проявлениях. В статье выявлены те особенности современной действительности, которые являются доминирующими в новых обстоятельствах, показано, как социокультурная ситуация XX–XXI вв. оказала существенное влияние на создание в жанре рассказа новых типов героев и средств его художественного воплощения.

Ключевые слова: кабардино-черкесская литература, рассказ, социокультурный, проза постсоветского периода; маргинализация; духовное возрождение, религиозные мотивы.

Социально-политические процессы, происходящие в настоящее время в стране и целом мире, находят свое косвенное, а иногда и прямое отражение в творчестве писателей и художников независимо от принадлежности к тому или иному творческому направлению и языку творчества. Это имеет прямое отношение и к современным адыгским писателям. Кроме того, личности творческих профессий, при всем разнообразии позиций и методов художественного выражения, близки между собой тем обстоятельством, что в условиях социально-политической неопределенности деятели культуры так или иначе выражают в своем творчестве собственное отношение к глобальным и локальным кризисным явлениям, оказывающим влияние на все общество. Поэтому особенности их осмысления в творчестве каждого автора и в каждой национальной литературе имеют свое самостоятельное значение, чем и обусловлен выбор темы настоящей статьи.

Развитие российского общества в новую эпоху сопровождалось глубокими структурными трансформациями на политическом, экономическом, культурном, антропологическом уровнях его бытия. Эти изменения качественно отличались от всех преобразований, которые происходили на предыдущих этапах социального развития, в специфически новом цивилизационном контексте, обусловленном разрушением традиционных основ бытия всего общества и каждого человека. Современный мир оказался достаточно противоречивым. С одной стороны, социальная практика и наука фиксировала раскрепощение сознания народа, восстановление исторической памяти, а также религиозной культуры страны. В условиях

перехода экономики в русло новых экономических отношений и возвращение демократических свобод на путь самообновления встала и культура. Однако вопреки ожиданиям современное российское общество было отмечено кризисом, проявляющимся в таких формах, как усиление нестабильности, криминализация общественных отношений, маргинализация большей части населения, его имущественная стратификация, утрата общности культурной ориентации, активизация различных форм отчуждения, дискредитация традиционной системы ценностей.

Немецкий философ Э. Гуссерль, характеризуя особенности природы кризиса, отмечает: «Отчего жизнь, творящая культуру внутри непрерывного исторического процесса, наталкивается на определенные помехи, глубинные противоречия, приводящие к кризису? Можно говорить, следовательно, о благоденствующих культурах и о культурах находящихся в стадии упадка. Что служит критерием их разделения? Таким критерием выступает внутреннее самоощущение человека внутри культуры. Если оно психологически комфортно, гармонично, то говорить о кризисе культуры рано. Напротив, крайне обостренное чувство одиночества, хрупкости и неустроенности, рождающееся в человеческой душе, говорит о подорванности культуры, ее кризисе»¹.

Анализ прозаических произведений адыгских писателей, созданных в первое постсоветское десятилетие, показывает, что основным мотивом, определяющим внутреннее состояние человека, несмотря на некоторые очевидные положительные моменты, является непонимание или же недостаточно ясное понимание всей сути происходящего, и это порождает социальное отчуждение, тенденцию к концентрации внимания на проблемах собственного узкого мира.

Человек рубежного периода характеризуется как глубоко страдающий, не находящий себе места в современной жизни. Культурологи объясняют это следующим образом. Ощущение чуждости и абсурдности происходящих событий пронизывает индивидуальное сознание человека в эпоху социокультурных катаклизмов. Индивид как бы покидает свой «дом», где все понятно и знакомо, и внезапно оказывается в чужой «культурной среде». С одной стороны, это заставляет человека задумываться о той культуре, которая была привычна не замечалась в старом обществе. «Старая культура» была настолько естественна, что человек принимал ее нормы, ценности и правила поведения, сам не осознавая этого. Резкие изменения в социокультурной среде заставляют четче осознавать те культурные нормы и ценности, которые уходят в прошлое, сравнивать их с новыми, возникающими непосредственно и спонтанным образом.

С другой стороны, столкновение двух систем ценностей, старой и новой, ведет к возникновению явления, именуемого «культурным шоком». Сущность его заключается в остром конфликте прошлого и настоящего, идеалов, норм поведения на уровне индивидуального сознания, когда человек уже утратил старые межевые вехи своего бытия, а новые обстоятельства еще не стали частью быденного существования. Радикальный общественно-политический сдвиг привел к тому, что люди оказались выбитыми из привычных социальных условий и поставлены перед необходимостью поиска новой социальной ниши. Они осознают свою чужеродность относительно новой культуры и оказываются эмигрантами в собственной стране. Возникает проблема «жития в кризисе», отношение к кризису как неизбежному естественному элементу процесса обновления общества, человека и культуры.

Глобальные катаклизмы заставили писателей вглядываться в поступь времени и в те изменения, которые они принесло в общество. В центре внимания кабардино-черкесских прозаиков – актуальная проблематика социального взаимодействия личности и общества. Само новое время предъявило писателям важный социальный заказ – показать нового героя в непосредственной связи с преобразованиями, происходящими в стране. А. Камергоев описывает метафорически одушевленный

дом, из уст которого звучит неуверенный вопрос: «Мы лъэхэнэщІэ зыфІащам, и нэгу хуиту уригъэплъэн сэ щІэрэ, и щхьуабзэ утригъэплъэну пІэрэ?»² – («Как, интересно, к нам отнесется так называемое новое время: даст ли оно заглянуть в глаза, а может даже своего цвета не даст разглядеть?»). В ситуации «рубежа» и «слома» литература осознала разрушение старого дома, как выражение новых социально-исторических процессов. Главный герой не уверен, сможет ли он найти себя в новое время, в котором все кардинально изменилось.

Во многих современных рассказах определяющая и открыто выраженная роль в формировании образной структуры принадлежит повествователю, который вносит особое – явно повышенное эмоциональное настроение. Часто в них главный герой и автор или одно лицо, или же это субъекты, несущие в себе много общего. Самое важное, что определяет художественный мир, эмоциональный настрой и структуру произведения – это авторское мироощущение, оно может придавать и объективному способу изображения разные содержательные функции. В социально-психологическом рассказе автор, скрытый в повествовательной ткани, в наиболее ответственных, требующих активной оценки обстоятельствах открыто вмешивается в ход повествования. Неожиданный вопрос, который задает «стена» в начале рассказа, передает отношение автора к разрушению привычной картины мира.

Как и следовало ожидать, затронутый нами процесс в оценочном плане далеко не однозначен. Достоинно внимания то, что (при наличии несомненных общих типологических черт), кабардино-черкесский рассказ имеет некие «жанровые традиции», которые и определяют во многом его национальную специфику и художественное своеобразие. Серьезную культурно-историческую значимость представляет вопрос преемственной связи литературного рассказа с национальными художественными традициями, аккумулировавшимися в многовековом фольклоре. Отчетливо ощутимо в произведении устное народное повествование. Поэтика хабара повлияла на жанровую специфику рассказа, на своеобразие стиля и лексику. Образ автора напоминает профессиональных сказителей – джегуако, безбоязненно высказывающих свои мысли в любом обществе. Писатель, подобно джегуако, прерывает свое повествование и предоставляет слово для реплики читателю – так же, как и предоставлялось это право слушателю, когда песня или рассказ были частью беседы. Сказанное позволяет сделать вывод, что кабардино-черкесский рассказ во многом наследует и развивает художественные завоевания устного прозаического творчества. Эта традиционность, собственно говоря, становится той самой почвой, на которой произрастает ее новаторство.

В постсоветский период повысилось внимание к неповторимости внутреннего мира человека, создались наиболее благоприятные условия для выявления «личного» начала в человеке, что способствовало усилению лирического начала и психологизма в прозе. Это не могло не сказаться на самом характере художественного времени. В нем более важным компонентом становится внутреннее время, время сознания героя. Течение времени подчас передается не столько через координаты объективного характера, сколько в субъективных переживаниях героя. Б. Кагермазов использует сюжетный ход, который состоит в нарушении «обычного существования». Герои, находившиеся в привычных условиях жизни, в общем ее потоке, вдруг выталкиваются из привычного бытия. В рассказе «На базаре» мифопоэтический план связан с героями «потерянными», как бы выпавшими из своего времени. Яблоки олицетворяют сознание человека в эпоху социальных перемен. Старые яблоки не понимают, почему за молодыми яблочками выстроилась очередь, а они никому не нужны. Автор исследует кризисные душевные состояния, предшествующие рождению и выявлению в человеке нового: напряженность духовной жизни героев открывается на фоне неготовности их к новой жизни, отсюда психологическая незащищенность.

Прозаиков Б. Гаунова, Ж. Даурова, А. Кярову, Р. Жамбекову объединяет углубленное социальное и психологическое исследование бытования личности, раскрытие ее своеобразия в условиях новой реальности. В подавляющем большинстве современных рассказов заметна тенденция авторов выбирать объектом изображения короткий отрезок времени, небольшое, но колоритное событие, позволяющее рельефно высветить характер. В рассказах, как в объективе перевернутого бинокля, изменялась привычная перспектива. Громоздкие предметы отодвигаются, становятся миниатюрными, в то же время резкость, избирательность виденья неожиданно возрастают.

Этой же цели служит образ повествователя. Автор не дает прямой оценки ко всему, что происходит. Но и без «личностных» комментариев обнаруживает себя, до конца проясняет свое отношение к поставленной в произведении проблеме и к выведенному в нем герою. В нем авторская позиция главенствует и решительно подчиняет себе другие точки зрения... Ясно обозначенное на протяжении всего повествования авторское сознание делает его монолитным и монологичным. В рассказе нет второго голоса, звучащего полноправно с авторским. Все изображенное в произведении так или иначе подчиняется однозначно звучащему авторскому голосу. В подобного рода рассказах, где авторская точка зрения стилистически, композиционно уступает место сначала взглядам одного героя, затем другого, третьего писателя подстерегают свои трудности; их «заметным недостатком является то, что читатель не может определить авторскую идею. В коротком рассказе она «должна быть однозначной и определенной. В рассказе З. Канкулова «Сон» главному герою Муахиду снится сон: «МуГэхид щашыху хужьыбзэ зытепхьуа Гэнэхэм еплурэ хуэмурэ ирикГуэрт. Пхьэщхьэмышхьи хадэхэКи щашэркьым мы бэзэрым. Мес, лы фафГэшхуэм цыху напэ кьабзэ дыдэ стЮлым кьытрильхьаш...»³ («Муахид проходит мимо прилавков, накрытых белейшими покрывалами. На этом базаре не продают ни фрукты, ни овощи. Вот, представительный мужчина кладет на стол чистейшую совесть»...).

Описанный автором странный базар, где торгуют не чем иным, как совестью, олицетворяет типичные образы отображаемой действительности, характерные приметы мира, человека в определенную эпоху: а именно падение нравственных устоев. Пристальный интерес к судьбе отдельного человека, а через него и в его лице к судьбе общества в конкретную эпоху открывает новые пути художественного познания всего человеческого сообщества и конкретной личности во всех ее проявлениях.

Правдивое воссоздание типических обстоятельств и характеров представляет большую сложность для писателей, пишущих о современности. Но все же в рассказах заложено желание узнать, зафиксировать мир, который стремительно изменился, отметить смещение качеств и приоритетов. Но поиски путей к возможно более широкому охвату действительности, к изображению ее в развитии не обязательно заставляют писателя брать в основу рассказа большой отрезок времени. Здесь, пожалуй, важно другое – умение найти такое событие, которое, будучи непродолжительным, отражает в себе ведущие тенденции эпохи, которые являются заметными звеньями в цепи исторического развития. В этом плане показательны рассказы Ж. Даурова «У умершего не было денег», «Не встречайтесь с Исламом» («Ислам зыхуэвмыгъазэ»), «Лшам ахьшэ иАкьым». В них дается характеристика современного общества посредством создания типических образов. В первом рассказе богатая наследница утонувшего мужа поспешила на его похороны: столь важное ответственное дело она переложила на плечи коллег по работе. В другом рассказе того же автора главный герой продает дом, который ему не принадлежит. Как видно из рассказов, социокультурная ситуация XX–XXI вв. оказала существенное влияние на создание в ней новых типов героев и новых художественных средств в его изображении.

Постсоветский период свидетельствовал о новом этапе в современной действительности, которая после диктата советской власти вынуждена была подчиниться диктату материального мира, часто гораздо более прагматичного и циничного. «Неуправляемая коммерциализация» стала причиной изменения престижа профессий: особенно популярными были «рыночные» профессии: экономист, финансист, менеджер, юрист. Ученый, инженер, летчик, врач, учитель уступали место банкиру, предпринимателю, охраннику, шоумену. «Привлекательность» второй группы профессий была связана с видимой возможностью быстро и легко зарабатывать деньги, демонстрировать стандарты высокого уровня потребления. Этой проблемы коснулись в своих рассказах Б. Гаунов «Сил больше нет» («Схузхьжыркъым»), Ж. Дауров «Профессия» («ІэщІагъэ»). Вывод из всего сказанного: время глобальных реформ, захлестнувших Россию «сломаło» систему прежней «морали», существенно перевернув все нравственные ценности. Сама реальная действительность, с ее масштабным кризисом современного российского общества способствовал выживанию этих моделей поведения и ценностных установок.

Подобная ситуация в обществе сподвигла писателей к поиску путей выхода из социального кризиса. Современная литература не осталась в стороне. Авторы предлагают свои способы социального порядка. Достижение совершенства в духовной жизни человека как ощущение полноты и целостности, означает по мнению ряда авторов, означает выход человека к Богу – тем нравственным, духовным константам, которые характеризуют основания человеческого бытия.

Рассказ Н. Лукожевой «Шуршание» («Щхьщхь макъ») является произведением по сути глубоко религиозным. Постсоветскому периоду, вместе с обновлением прозы, предстояло внести новое содержание в произведениях религиозного характера, обогатить их идеями, образами, выработать для них более высокую художественную форму. В современной литературе можно проследить параллель рассказа с Кораном: он апеллирует к религиозным заповедям, опирается на коранические истины и заветы, нравственные и художественные ценности, соотносит с ним свои идеалы, приводит речения, притчи, легенды из Священного писания... Эта связь не всегда очевидна, но открывается в результате пристального, вдумчивого чтения и вносит как бы новое измерение в «художественную вселенную». Рассказ Н. Лукожевой напоминает читателю о существовании загробной жизни и тем самым взывает к духовности в мирских делах. Произведение начинается с зловещих слов, который принес с собой ветер: «СощІэ... Сэ псори сощІэ...»⁴ – («Знаю, я все знаю»). Человек, пытаясь обуздать ветер, вырвал ему глотку; здесь он увидел страшное: из нее стало появляться множество человеческих рук... Примечателен образ таинственного писаря, который, не останавливаясь, все это время что-то записывал. Мысль автора и форма превращаются в единый впечатляющий художественный образ – предостережение, что для каждого наступит Судный день, после того, как два ангела, призванные фиксировать все добрые и неблагоприятные поступки поведают о деяниях человека. Праведные попадут в рай, грешники сгорят в аду. «Человек, зная о том, что все его слова и поступки записываются двумя ангелами, а так же зная о том, что Аллаху известно абсолютно все, будет стараться избегать совершения грехов, и будет стараться совершать благие деяния». Н. Лукожева культивирует богобоязненного человека. Рассказ прозаика, известного своей парадоксальной манерой изложения, никак нельзя воспринимать как голое морализаторство, но все же он воспринимается как предупреждение человеку, чтобы он задумался о смысле жизни, расставил правильные ориентиры и обрел истинную цель своего существования.

Таким образом, в кабардино-черкесском рассказе рубежа XX–XXI веков об-новляется концепция личности. Авторы уделяют большое внимание социальным, нравственным проблемам. В повествовательной манере прозаиков обнаруживается

стремление к жанрово-стилевому обновлению рассказа, к экспериментальным новациям.

Примечание

1. *Гуревич П.С.* Культурология. Москва: Гардарики, 2006. С. 274.
2. *Камергоев Т.Ж.* Двойник. Новеллы и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 96.
3. *Канкулов З.М.* Затерявшийся в городе. Повесть и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 96.
4. *Лукожева Н.Г.* Шорох. Рассказы. Нальчик: Эльбрус, 1998. С.144.

THE PSYCHOLOGY AND WORLDVIEW A HERO OF OUR TIME IN SMALL GENRES OF THE KABARDINO-CHERKESS LITERATURE

Betuganova Elena Nartshaovna, candidate of philological sciences, researcher of department kabardino-circassian literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), betuganova.80@mail.ru

In this article an analysis is being done of the main types of character used in short stories written by Karbadinia-Circassian authors, set during the 90s. The Post-Soviet genre opened a new stage is the creativity of authors, characterised by an intensity of thought, focusing on understanding the heroes of a transitional era “like spokesmen of a new time”. In their stories, the authors (A. Keshokov, A. Kemrgoev, B.Kagermazov, B.Gaunov, G. Daurov, Kankulov, R. Atskanov) cast a light upon the process of re-adaption and change undergone by the stories protagonists, while transitioning into an era of post-soviet social interactions. Attention is paid to the fate of a person, and through this to the destiny of society, offering an imaginative perception of human life in its many manifestations. The article draws attention to particular features of a modern reality, that dominated in the new circumstances of the era. It showed how sociocultural situation of XX–XXI’s had a significantly impact in the creation of new heroes in a story genre, and its imaginative realisations.

Keywords: Kabardino-Circassian literature, narrative, socio-cultural, prose of the post-Soviet period; marginalization; spiritual revival, religious motives.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-117-122